
Глава 2

Лу Бинчэнь сел на кровать. В голове гудело, веки налились тяжестью, а глаза немилосердно резало. Плотные шторы заслоняли солнце, но сквозь узкую щель посередине всё же пробивалось несколько колких лучей.

«Слишком светло для утра... — нахмурился он. — Сейчас ведь январь. Разве в январе солнце спозаранку слепит с такой силой?»

Морщась от тупой боли, он покачал головой и надавил на опухшие веки. В этот момент раздался сдержанный, короткий стук в дверь — ровно три удара.

— Молодой господин, пора вставать. Сегодня первый день занятий в Шестой средней школе.

На мгновение Лу Бинчэнь решил, что у него галлюцинации. Оцепенев на пару секунд, он сорвался с кровати, распахнул дверь и, преодолевая жжение в глазах, впился взглядом в стоявшего на пороге человека:

— Дядюшка Сун?..

— Что с вами, молодой господин? — Дядюшка Сун с обеспокоенным видом приложил ладонь к его лбу. — Плохо себя чувствуете?

Лу Бинчэнь отчётливо помнил: встретив шестидесятилетие, дядюшка Сун рассчитался и уехал в родную деревню нянчить внуков. Ему не с чего было находиться здесь. Неужели брат привез его обратно, чтобы тот приглядывал за ним?

Вот только человеку перед ним на вид едва дашь сорок с небольшим. А в памяти Бинчэня дядюшка Сун остался седым, сгорбленным стариком.

— Вы сказали... — ошеломлённо пробормотал Лу Бинчэнь, — сегодня открывается учебный год в Шестой школе?

— Именно так, — подтвердил тот.

На мгновение в коридоре воцарилась звонкая тишина, а в следующее мгновение Бинчэнь, словно безумный, кинулся вниз по лестнице.

Замрев перед электронным календарём на длинном обеденном столе, он будто громом

поражённый врос в паркет. Лицо его исказилось странной судорожной гримасой — то ли от отчаяния, то ли от дикого, неистового восторга. Мускулы на щёках нервно подрагивали. Не помня себя, он схватил со стула первое попавшееся пальто, набросил на плечи и рванул к выходу.

— Молодой господин! Молодой господин, побойтесь Бога! — Дядюшка Сун вовремя перехватил его у самой двери. — Что с вами стряслось? Вы же в одной пижаме, да и позавтракать не успели! Зачем так спешить? Времени ещё вагон, не опоздаете. Шофёр уже ждёт у крыльца. Идите спокойно умойтесь, почистите зубы, а я соберем вам завтрак в дорогу.

В ушах у Лу Бинчэня стоял сплошной гул.

Двадцать лет... Он вернулся на двадцать лет назад!

Руань И ещё жив.

...

Бинчэнь опустил взгляд на свои руки — пальцы неудержимо, крупно дрожали. Поговорка «каждый палец связан с сердцем», пожалуй, была не просто красивой метафорой: казалось, через эту дрожь он физически осязает бешеное, сокрушительное биение собственного сердца.

Сжав кулаки с такой силой, что побелели костяшки, он подошёл к холодильнику, выудил бутылку ледяной минералки, сдёрнул крышку и без колебаний вылил воду прямо себе на голову.

Лишь повторив эту процедуру раз пять или шесть, он почувствовал, как закипающий разум постепенно приходит в норму.

Спустя пять минут Лу Бинчэнь уже сидел на заднем сиденье.

А ещё через тринадцать — машина с визгом тормозов замерла на узкой улочке у задней ограды Шестой средней школы.

Шофёр, абсолютно не понимавший, с чего бы банальная поездка на учёбу превратилась в спецоперацию со смертельным риском, нерешительно подал голос:

— Молодой господин, может, мне лучше подкатить к главному входу?

— У главных ворот не протолкнуться, — отрезал Лу Бинчэнь.

Подойдя к высокому металлическому забору, он ловким взмахом перебросил рюкзак через прутья. На глаз прикинув высоту ограды, примерился, упёрся дорогой туфлей в перекладину и, мощно толкнувшись, гибким барсы́м прыжком перемахнул на ту сторону. У водителя выступал холодный пот: он мог лишь ошарашенно смотреть, как парень подхватил с земли рюкзак и моментально растворился среди деревьев.

Завидев вдалеке знакомый силуэт Лу Бинчэня, Руань И на мгновение замер. Не задумываясь ни на секунду, он надвинул глубже панаму и резко свернул влево — на узкую, скрытую густым кустарником тропинку.

Первый год старшей школы в Шестой средней занимал корпус Задумчивости. Помимо парадного входа, там имелась неприметная калитка, выходившая прямо к боковому коридору. Возле неё ютилась каморка завхоза; груды сломанных парт и стульев загромождали проход, оставляя лишь узкую щель.

Протиснувшись боком, Руань И взбежал по лестнице на шестой этаж и прошёл в кабинет двадцать третьего класса первого года старшей школы.

В классе царил гвалт. Толпа учеников сгрудилась у окон, с любопытством высунувшись наружу. Руань И окинул помещение взглядом, выбрал свободную парту и сбросил рюкзак. Сидевшие перед ним девчонки — одна с высоким конским хвостом, другая с яркой красной заколкой — азартно шептались, наклонившись друг к другу.

— Слышь, а кто это там внизу? — с придыханием спросила девушка с заколкой. — Я поднималась, он уже стопкой стоял.

— Ага, я тоже засекла, — кивнула подруга.

— Точно кого-то ждёт! Я его даже сфоткала исподтишка, глянь! Боже, капец он красивый! Мимо шла — дышать забыла!

Руань И прекрасно понимал, о ком речь.

В прошлой жизни появление Лу Бинчэня в первый же день произвело точно такой же фурор. Спустя пару дней даже выпускники с третьего года специально прибегали к корпусу Задумчивости, лишь бы одним глазком глянуть на первогодку, чей вид окрестили «убийственно прекрасным». Что и говорить — в плане внешности Бинчэнь действительно был феноменом. Пред ним пасовали любые вкусовые предпочтения: кем бы человек ни увлекался, при первом взгляде на Лу Бинчэня его неизбежно настигал немой восторг.

Слегка усмехнувшись своим мыслям, Руань И выбросил чужие разговоры из головы, достал из портфеля методичку и углубился в черновик, набрасывая решения задач.

Стрелка часов приближалась к восьми, до звонка оставались считанные минуты, и площадь перед корпусом Задумчивости заметно опустела. Лишь Лу Бинчэнь неподвижно застыл на месте, сдвинув брови и вглядываясь вдаль.

С лестницы, перескакивая через ступеньки, сбежали Фан Чао и Цзян Цзяньяо:

— Брат Чэнь! Ты чего тут застрял? Почему в класс не поднимаешься?

Они дружили с самого детства. Вообще-то вся троица должна была поступить в Международную старшую школу Шэньчэна, а через год-другой отправиться по обмену в Штаты. Однако ни с того ни с сего Лу Бинчэнь заупрямился и заявил, что пойдёт в Шестую среднюю школу.

Шестая школа действительно гремела на всю провинцию как кузница кадров, вот только заточена она была исключительно под гаокао — там даже международного отделения не имелось. Под удушающим гнётом выпускных экзаменов жизнь здешних учеников превращалась в ад по сравнению с вольницей международных школ. Но молодой господин Лу с малых лет отличался своеобразием и привык поступать исключительно по-своему. Зачем ему дался этот каприз — загадка. Фан Чао и Цзян Цзяньяо, как верные друзья с десятилетним стажем, просто поплелись следом.

— Брат Чэнь? — Цзян Цзяньяо, заметив, что тот неотрывно провожает взглядом каждого проходящего ученика, помахал рукой перед его лицом. — Пошли давай. Наверху вся школа у окон торчит. Первый день обучения, а ты уже устраиваешь цирк. Тебе потом прохода не дадут!

— Идите, — не шелохнувшись, ответил Лу Бинчэнь. — Я ещё подожду.

В его памяти Руань И никогда не был образцовым зубрилой. Когда они учились в одном классе, тот редкую неделю обходился без опозданий. Их тогдашний классрук — суровый, педантичный старик — заставлял всех опоздавших простаивать у задней стены два урока подряд. Руань И оформил на это наказание бессрочный абонемент: едва переступив порог, он на автопилоте плёлся в конец кабинета. Позже, чтобы стоять было не так тошно, он даже выменял себе место в последнем ряду — опирался одной ногой о стул, прячась за широкой спиной соседа от классного руководителя.

Судя по времени, именно сейчас Руань И должен переступать порог школы.

Цзян Цзяньяо искренне удивился и вскинул брови:

— Ты серьёзно кого-то ждёшь?

Лу Бинчэнь простоял у входа и первый звонок, и второй, до самого начала урока, пока дежурный завуч не пригрозил им замечанием за срыв занятий. Лишь тогда Бинчэнь был

вынужден уйти. Он шёл по коридору с плотно сжатыми губами, а на его лице лежала мрачная, тяжёлая тень.

Фан Чао недоуменно переглянулся с Цзян Цзяньяо, но тот лишь предостерегающе качнул головой.

Семья Лу с горы Яньшань являлась мощнейшим финансовым кланом в стране, высшей знатью. А Бинчэнь с самого рождения был любимцем Старейшины Лу и неоспоримым наследником империи. Скольких лизоблюдов и искателей выгоды он повидал с малых лет — не сосчитать! Но даже те, кто не заискивал, не смели переходить ему дорогу. Сам же Бинчэнь от природы отличался холодным, сдержанным нравом и редко проявлял эмоции на людях.

Впервые на памяти Цзян Цзяньяо на этом обычно непроницаемом лице проступала столь явная, снедающая изнутри тревога.

Достав телефон, Бинчэнь набрал короткое сообщение своему человеку с приказом выяснить, был ли сегодня Руань И.

Вскоре пришёл ответ: «Руань И зарегистрировался и находится в Шестой средней школе».

Лу Бинчэнь на миг прикрыл глаза и быстро отстучал по экрану: «В каком классе?»

Ответа долго не было. Классный руководитель на кафедре воодушевлённо произносил напутственную речь, но Бинчэнь не слышал ни слова. В его груди разгорался безумный, испепеляющий пожар.

Наконец экран снова вспыхнул: «двадцать третий класс первого года старшей школы».

Ниже прилагался скриншот списка класса, где имя «Руань И» было обведено ярким красным маркером.

Едва прозвенел звонок с урока, Лу Бинчэнь вылетел из кабинета как ошпаренный. Фан Чао с Цзян Цзяньяо ошеломлённо переглянулись и бросились следом.

Лу Бинчэнь замер у окна двадцать третьего класса первого года старшей школы. За стеклом, наклонив голову над стопкой распечатанных тестов, что-то увлечённо писал Руань И.

В это мгновение накатила волна чувств настолько дикая и необъятная, что у Бинчэня перехватило дыхание. Он стоял не шевелясь, ощущая, как с этим единственным взглядом к нему наконец возвращается жизнь.

Фан Чао и Цзян Цзяньяо нагнали его только сейчас. Их кабинет находился на третьем этаже, а

двадцать третий класс первого года старшей школы — на шестом. Три пролёта — пара пустяков, но Бинчэнь нёсся на такой безумной скорости, что Фан Чао на марше едва не пересчитал носом ступеньки.

— Ты чего взбесился... — переводя дух, Чао положил руку ему на плечо. Его взгляд случайно скользнул по рядам внутри кабинета и замер. — Ого... А это ещё кто?

Откровенно говоря, за годы дружбы с Лу Бинчэнем Фан Чао привык к идеальной красоте, и разборчивость его границ не знала. Заставить его ахнуть было задачей не из лёгких. Но парень у окна, виденный лишь по пояс, поражал с первого взгляда.

Он сидел в мягкой тени, слегка против света, отчего черты его лица казались чуть размытыми. Но эта нерезкость лишь придавала ему сходство с изысканным рисунком тушью: благородный профиль озаряла спокойная, чистая прелесть, подобная сиянию полной луны. Едва уловимые лучи утреннего солнца очерчивали изящный силуэт. Он просто сидел за партой, не делая ничего особенного, но оторвать от него глаз было невозможно.

Цзян Цзяньяо проследил за взглядом Бинчэня, затем посмотрел туда, куда указывал Фан Чао, и, осознав, что оба уставились на одного и того же человека, с интересом вскинул бровь.

Лу Бинчэнь молча смотрел на Руань И, чувствуя, как дикий, колотящийся ритм в его груди постепенно сменяется ровным, умиротворённым дыханием.

Очнувшись двадцать лет назад, он ощутил не радость, а дикий, леденящий ужас. Лу Бинчэнь смертельно боялся, что высшие силы, подарив ему шанс начать всё с чистого листа, в качестве платы вычеркнул Руань И из его судьбы. Он панически опасался, что мир останется прежним, но именно в Руань И произойдёт роковой сбой.

Мысль казалась абсурдной, однако въедливое нутряное чутьё заставляло его содрогаться: а вдруг тот единственный, ради кого стоило жить, не вернётся к нему вопреки повороту вспять колеса времени?

И вот теперь, видя, что Руань И жив, здоров и невредим сидит в классе, Бинчэнь ощутил гигантское, ни с чем не сравнимое облегчение.

Сбросив тяжесть с души, он повернулся к Цзян Цзяньяо:

— Пошли.

Пока Руань И здесь, он никуда не денется и обязательно станет его. Это лишь вопрос времени. В прошлой жизни ухаживания не заняли много времени, и Руань И быстро согласился стать его парнем. Даже когда они расстались и встретились вновь через десять лет, их чувства вспыхнули с прежней силой.

Вспоминая трогательную заботу, беспрекословное прощение любых капризов и тот безграничный, трепетный свет любви в глазах Руань И, Бинчэнь чувствовал, как волна забытого блаженства затопляет всё его естество.

Он прищурился, и на его губах заиграла уверенная, торжествующая улыбка человека, привыкшего получать своё.

<http://bllate.org/book/20540/2105829>